

ЛЮДИ ИСКУССТВА

ВЫСОКАЯ ДОЛЯ ОТЧИЗНЕ ДАНА

«Какая прекрасная, поющая душа у нашего народа!» Этими яркими впечатлениями народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР композитор Вели Мухатов поделился, только что вернувшись из творческой поездки по родной земле.

Когда на сцену выходил высокий, статный человек с пышной шапкой седых волос, зал неизменно взрывался аплодисментами. А помимо концертов много и других важных дел: организация досуга земляков, консультация молодых талантов, поездки на новостройки. Не упустит композитор и возможности послушать местных бахши — народных певцов. Таким легким на подъем встречается свое 70-летие народный артист СССР.

...В тот день, когда я зашел к композитору, он был в своем саду на тихой ашхабадской улице. Один из первых посланцев республики — выпускников Московской консерватории, он основоположник туркменского симфонизма. С его именем связано становление национальной оперы и балета. Более двухсот написанных Мухатовым песен, мелодий из кинофильмов необычайно любимы в Туркменистане.

В кабинете Вели Мухатовича на рояле в символическом соседстве небольшой портрет П. И. Чайковского и старый дутар отца композитора Мухата-ага, виртуозного музыканта, умельца, а когда-то строителя железной дороги в песках, участника революционных выступлений рабочих. Здесь мы и беседуем с хозяином дома.

— Вели Мухатович, разрешите поздравить вас с премьерой нового сочинения — «Торжественной оды о ленинской партии», которой вы встретили XXVII съезд КПСС.

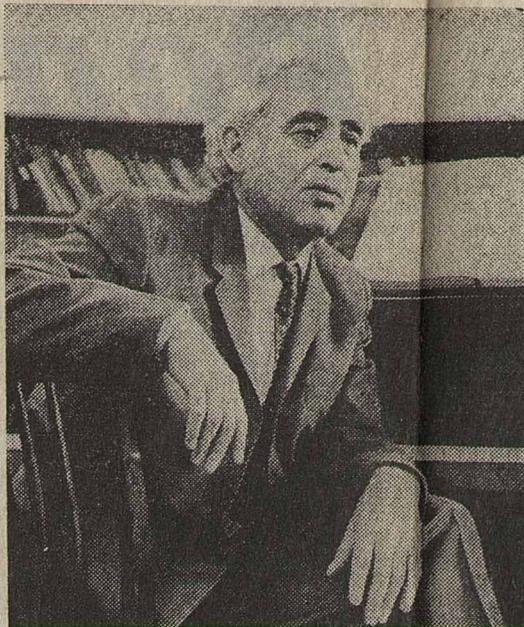
— Ленинская партия — неисчерпаемая тема для деятелей искусства, ибо дает творцу богатую возможность быть на стремные всего нового, передового, художественно осмыслить действительность. А разве не увлекающая творческая задача — воплотить в произведении полнокровный образ коммуниста-героя, который воспринимался бы как художественное открытие, влиял на поступки людей, отражал бы судьбы народные.

Сознание партийной заинтересованности в развитии искусства побуждает нас сегодня с особой взъясательностью говорить и о резервах, недостатках в этом деле. Много проблем в музыкальной жизни республики. Это прежде всего проблема исполнительских кадров, порождающая в свою очередь проблему репертуара симфонического оркестра, хора Госфилармонии, оркестра народных инструментов, Туркменского государственного академического театра оперы и балета. В результате концерты и музыкальные спектакли даже в дни премьер собирают малую аудиторию. С другой стороны, трудно говорить о кпд эстетического воспитания, не имея в республике практически ни одного отвечающего современным требованиям концертного зала. В долгой истории пресвратился и тот, который намечено возвести при новом здании Ашхабадского музыкального училища. Не помню за последнее время авторских концертов композиторов в эфире местного телевидения и радио. Да и Центральному телевидению можно бы проявлять больше интереса к событиям в музыкальной жизни союзных республик.

— На ваших глазах, при вашем непосредственном участии туркменской музыкой пройден путь от мелодии двухструнного дутара до симфонизма. Что, по-вашему, стало здесь главной движущей силой?

— Ответу не задумываясь — дружба народов. Разве не красноречив такой факт: в сентябре 1919 года в Полторацке (нынешнем Ашхабаде) открылась пролетарская консерватория. В халатах, шинелях 230 детей, подростков, взрослых пришли учиться пению, теории музыки, игре на фортепиано, скрипке, виолончели, духовых инструментах. В разгар гражданской войны молодая Советская республика как об одной из важнейших задач думала о воспитании нового, гармонично развитого человека. По тринадцати классам было открыто бесплатное обучение. Преподавателями были музыканты разных национальностей — вчерашние бойцы-красноармейцы, откомандированные политотделом Туркестанского фронта.

А подвижническая деятельность русских исследователей-музыкантов В. Успенского и В. Беляева! Они проехали всю республику, записывая труднейшие ритмические композиции, пробуждая в талантах-самородках тягу к знаниям, учебе. Наши русские братья со-

ставили двухтомный труд «Туркменская музыка».

В разное время в Туркменистане работали посланцы братских республик — К. Корчмарев, Б. Шехтер, Ю. Мейтус, А. Зноско-Боровский, А. Шапошников, А. Штогаренко, Г. Лобачев и многие другие. Это плодотворно сказалось на развитии музыкальной культуры.

Кто знает, как бы сложилась и моя жизнь, если бы в 1936 году в Ашхабад не приехала комиссия во главе со знаменитым композитором Р. Глиэром, набравшая молодежь для учебы в Туркменской студии при Московской государственной консерватории. Помню, узнав об этом случайно, прибежал на прослушивание из гаража, где уже работал тогда, весь в мазуте...

С непостижимой самоотдачей и беспредельной щедростью учили нас С. Василенко, Г. Келдыш, К. Щедрин, С. Скребок, Г. Литинский. Другим слагаемым моей школы была дружба с товарищами по учебе — Е. Светлановым, К. Молчановым, А. Холминовым, К. Хачатуряном, Б. Парсадяном, Г. Гольным, Л. Сарьяном... Особенно отрадно то, что постоянно расширяются связи с исполнителями из братских республик.

— В чем для вас, Вели Мухатович, истоки гражданственности, чем личным, дорогим наполняете вы это понятие?

— Помню, как меня, только что пришедшего с фронта, неожиданно пригласили участвовать в конкурсе на создание музыки государственного гимна республики. Я не мог в ту ночь заснуть. А перед глазами проходила как будто смонтированная неведомым мне кинорежиссером лента.

...Вот наш дом в селе Багир, у реки Кара-Сув, где в тени большой чинары собралась настоящая народная консерватория — любители состязаний самородков бахши — певцов и музыкантов из ближних и дальних мест. От них, бахши, я впервые услышал стихи великого Махтумкули о будущем Туркмении...

Вот мальчишкой на верблюде спозаранок везу я с поля колхозную зелень на рынок и долгую дорогу среди раскаленных песков скрашиваю переключкой с жаворонками. Вспомнилось, как нас, первых туркменских студентов Московской консерватории, напугивали на учебу первые руководители республики — большевики-ленинцы Недирбай Айтатов и Кайгысыз Атабаев. Потом снова и снова проходили эпизоды боев за Ростов, Донецк, Миллерово... И то, как меня, бойца 99-й стрелковой дивизии, попросили сыграть для моих товарищей на рояле, чудом уцелевшем среди руин. Сама собой у меня тогда полилась мелодия «Кечпелека» — народной песни на стихи Махтумкули, которая спустя много лет одним из мотивов вошла в Симфонию о великом поэте. И совсем свежие воспоминания: как мне, вернувшемуся с фронта, кто-то участливо дал старый велосипед, чтобы поскорее добраться до села к матери, проводившей на войну пятерых сыновей.

Все это как-то разом до самой глубины всколыхнуло душу и воедино связало личное, конкретное с понятием Родины. Так и родился Гимн Туркменской ССР.

В прошлом году, в дни празднования 40-летия Победы, у меня была волнующая премьера Второй симфонии, имеющей название «Героическая» (она была включена и в программу концертов VII Всесоюзного съезда композиторов). После одного из концертов в Юрмале ко мне подошла пожилая чета фронтовиков — полковник и военврач, вспомнили боевых друзей. А я им рассказал о гибели друга Артема, с которым мерзли в траншеях и ели из одного котелка, о подвиге моего земляка Героя Советского Союза Яйдогды Такирова, которому посвящена симфония. Говорю это к тому, что гражданственность, патриотизм всегда конкретны. И творец, наполняющий произведения прочувствованным, пережитым, находит дорогу к людским сердцам.

— Вели Мухатович, вы над каждым крупным произведением работаете подолгу. Не видите тем, кто сочиняет музыку быстро?

— Конечно, если эта музыка — «Севильский цирюльник» Россини или «Пиковая дама» Чайковского, созданные за считанные дни, то отчего же, можно и позавидовать (смеется). Но прямо скажем, гораздо чаще синонимом «быстро» становится идейно-художественная незрелость произведения, музыкальный ширпотреб.

В искусстве, я считаю, надо руководствоваться ленинским принципом: «Лучше меньше, да лучше». Долго писал я «Конец кровавого водораздела» — любимую из своих опер. И, можно сказать, готовился к созданию этого произведения всю жизнь. Для любого туркмена, особенно старшего поколения, понятия «вода» и «жизнь» неразделимы. В краю пустыни нередко случалось, что за меру воды отдавали коня или кибитку. Борьба за воду всегда была противостоянием угнетателей и угнетаемых, которые благодаря Октябрю стали подлинными хозяевами источника жизни. И все это — на памяти одного поколения! Один из авторов либретто оперы — народный писатель Туркменистана Чары Аширов. Его старшего брата убили баи при дележке воды. А крохотный участок земли семьи Дайхан, наоборот, с лихвой можно было бы накрыть бедняцким халатом! Вековая мечта туркменского народа о воде, о счастливой доле стала для меня темой необыкновенно ответственной.

Я работал, долгое время не записывая ни одной ноты. Со всей округи приглашал многознающих аксакалов, расспрашивал их, впитывал особую философию этих мудрецов. Важно было в народе найти музыкальные образы, услышать растворенную в нем мелодию. Помню, как удивлялись колхозники — кумли, когда я звал их послушать рождавшиеся музыкальные картины. Это животворное общение дало обильные впечатления, открыло невероятную свободу сочинительства.

Произведение удостоилось тогда третьей премии на Всесоюзном конкурсе музыкальных спектаклей в честь 50-летия Великого Октября. Но по-особому дорога оценка друга моего Кара Караева, пророчившего счастливую судьбу опере, которой, прямо скажем, пока что не повезло на ашхабадской сцене.

Больше тридцати лет вынашивался и замысел симфонии «Памяти Махтумкули». В туркменском доме каждый сымальства знает стихи великого поэта нашей земли, жившего в XVIII веке. Это духовная энциклопедия народа. Однако глубину и многослойность философии Махтумкули постигаешь с годами, пройдя через трудности и испытания, познав тревоги мира, боль собственных утрат. Поэт называл себя фраги — разлученный со счастьем. Не только потому, что трагична была его личная судьба, но прежде оттого, что со счастьем была разлучена Родина, страдавшая от опустошительных набегов завоевателей, раздоров племен, гнета богачей. Вот почему судьба Махтумкули, великого проповедника идеи гуманизма, братства людей, меня побуждала размышлять о предназначении и нравственном долге художника. «Миг пред тобой, Иди, взрай!» — эти строки Фраги из стихотворения, близкого пушкинскому «Пророку», и сегодня, я бы сказал, с кровотокающей пронзительностью обращены к каждому художнику.

...И вновь мы выходим с Вели Мухатовичем в солнечный сад. Композитору время идти на занятия к студентам Туркменского государственного педагогического института искусств. Профессор Мухатов растит молодых композиторов и музыковедов.

Счастлив и мудр художник, встречающий в своем саду весеннюю новь искусства.

Е. ПРИХОДЬКО.